

Научная статья

УДК 323.2

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-133-141>

EDN UUJWUA

Религиозный фактор в деструктивных социальных процессах (на примере исламизма)

Алексей Валентинович Бритвин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, britvin.av-post@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4043-5343>

Аннотация. Духовные и культурные особенности играют значимую роль в современном обществе. Религиозный фактор является одним из ключевых элементов, обеспечивающих духовную безопасность, укрепляющих дружеские отношения между различными этническими и религиозными группами, формирующих их самоопределение. Религия является одной из движущих сил развития гражданского общества и, даже, определяет степень его интенсивности. Ввиду увеличивающегося влияния религии на политические процессы, ее влияние приобретает чрезвычайную важность для внутригосударственной и внешнеполитической деятельности, поэтому правительство любого из государств должно принимать во внимание религиозную специфику. Религиозный фактор обладает мощным консолидирующим условием в противодействии развитию деструктивных процессов. Вместе с тем, для удовлетворения личных амбиций и достижения политических целей, несмотря на противоречие основным религиозным принципам и доктринам, представители деструктивных религиозных направлений активно применяют психологические методы воздействия, используя веру и убеждения своих последователей. Реализация предлагаемых мер по обеспечению духовной безопасности в различных сферах гражданского общества на всех уровнях государственного управления позволяет противодействовать деструктивному воздействию, использующему религиозные убеждения. Целью исследования является формулирование основных контуров сбалансированной политики в этноконфессиональной сфере и основанной на идеологических принципах, которые способны обеспечить условия согласия и унификации взаимоотношений политических акторов. Именно такие идеологические концепции способны выступить в качестве весомого оппонента деструктивному процессу. В данном исследовании были использованы методы, основанные на рационализме, диалектике, сравнительном анализе, историографии, применены структурно-функциональный и цивилизационный подходы. Полученные результаты могут быть использованы при разработке концептуальных документов в сфере безопасности.

Ключевые слова: религия, деструкция, фундаментализм, экстремизм, радикализм, гражданское общество, духовная безопасность, противодействие деструктивным процессам

Для цитирования: Бритвин А. В. Религиозный фактор в деструктивных социальных процессах (на примере исламизма) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 133–141. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-133-141>. EDN UUJWUA

Politology and Ethnopolitics

Original article

The religious factor in destructive social processes (on the example of Islamism)

Aleksey V. Britvin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
britvin.av-post@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4043-5343>

Abstract. Spiritual and cultural characteristics play a significant role in modern society. The religious factor is one of the key elements that ensure spiritual security, strengthen friendly relations between various ethnic and religious groups, and shape their self-determination. Religion is one of the driving forces of the development of civil society and even determines the degree of its intensity. Due to the increasing influence

of religion on political processes, its influence is becoming extremely important for domestic and foreign policy activities, therefore, the government of any state should take into account religious specifics. The religious factor has a powerful consolidating condition in countering the development of destructive processes. At the same time, in order to satisfy personal ambitions and achieve political goals, despite the contradiction of the basic religious principles and doctrines, representatives of destructive religious trends actively use psychological methods of influence, using the faith and beliefs of their followers. The implementation of the proposed measures to ensure spiritual security in various spheres of civil society at all levels of government makes it possible to counteract destructive influences using religious beliefs. The aim of the study is to formulate the main outlines of a balanced policy in the ethno-confessional sphere and based on ideological principles that can provide conditions for agreement and unification of relations between political actors. It is precisely such ideological concepts that can act as a weighty opponent to the destructive process. In this study, methods based on rationalism, dialectics, comparative analysis, historiography were used, structural-functional and civilizational approaches were applied. The results of the research can be used in the development of conceptual documents in the field of security.

Keywords: religion, destruction, fundamentalism, extremism, radicalism, civil society, spiritual security, countering destructive processes

For citation: Britvin A. V. The religious factor in destructive social processes (on the example of Islamism). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):133-141. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-133-141>. EDN UJJWUA

Важной чертой гражданского общества и необходимым условием для его развития является создание устойчивых взаимоотношений между людьми. Это явление возможно на различных этапах формирования гражданского общества и сохраняется на прочном уровне в результате укрепления связей между людьми. Благодаря созданию устойчивых социальных систем на институциональном этапе и взаимообогащению на естественном этапе развития гражданского общества осуществляется формирование социальных взаимоотношений.

Возникающие на основе общественных отношений и интересов отдельных граждан в рамках гражданского общества социальные связи между людьми формируются различными этносоциумами и гражданскими общностями. Они представляют собой сложнокомпонентную структуру, которая образуется на основе межличностного взаимодействия. Естественным этапом развития таких отношений становится устойчивый социальный конструкт гражданского общества с единством целей и интересов, включая персонализированные границы и специфику внутригрупповой коммуникации.

На протяжении всего общественного развития, начиная с индивидуальных контактов и заканчивая формированием устойчивого социального сообщества, взаимодействия между людьми протекают из одной социальной среды в другую и обратно. В целях саморегуляции этих процессов возможность использования социального конструкта позволяет задавать обществу модели взаимодействия. Без контроля над данным гражданским процессом возрастает вероятность возникновения деструктивных форм взаимодействия. Управление политической сферой гражданского общества призвано не допускать развитие процессов, губительных для общественного единства.

Соответственно, определенные свойства, способствующие деструктивным процессам и явлениям, обладающие организованным и повторяющимся характером, становятся неотъемлемыми характеристиками гражданского общества. Изменение организационной структуры социальных отношений и форм общественного устройства в результате цивилизационного процесса, а также формирование различных социальных систем местного значения, негативно влияющих на общественную безопасность, являются ключевыми аспектами данного исследования.

В результате цивилизационного процесса происходит комплексная трансформация общественного строя, которая является естественным результатом социально-исторического прогресса. Наблюдается перестройка форм коммуникаций, усложняющая механизм общественного взаимодействия, и вместе с этим повышается эффективность социальных процессов, протекающая в ходе социального развития.

Расширение взаимодействия в социальных моделях приводит к усложнению социальной системы, в которой продолжают существовать стабильные социальные структуры. Закономерные и управляемые процессы представляют собой разносторонние взаимосвязи саморегуляции государственного строя, что позволяет без противоречий согласовывать взаимодействие различных систем. Модели взаимодействия в обществе также подвержены изменениям и зависят от основных социальных институтов.

В качестве используемого гражданским обществом инструментария для организации и регулирования происходящих внутри него указанных социальных процессов выступает система государственного управления. От того, насколько сильно государственная система отклоняется от равновесия, и ее способность управлять отдельными механизмами в направлении сбалансированной координации, зависит корреляция структурных элементов общества.

При изучении механизмов деструктивной саморегуляции важно уделить особое внимание предотвращению губительных социальных взаимодействий. Эти механизмы характеризуются особыми устойчивыми признаками, что приводит к возникновению и развитию неблагоприятной структуры социальных взаимоотношений, основанных на негативных целях и перспективах деятельности различных участников гражданского общества. Деструктивными процессами являются коммуникации людей или их групп, в которых проявляется соединение противоправных и логически противоположных идей, а при формировании и развитии экстремистских групп происходит установление социального конфликта как нормы поведения.

Деструктивный процесс в политическом пространстве предстает в качестве сложноорганизованного явления, включающего в себя идеологию и практические действия, направленные на незаконное использование силы и подстрекательство к насилию на основе политических, социальных, этнорелигиозных и других принципов. Он является опасным явлением, которое негативно воздействует на различные аспекты общественной жизни, включая не только внутреннюю, но и внешнюю безопасность государства, его социальную, экономическую, культурную и другие его сферы. Результатом комплексного воздействия деструктивного процесса на указанные сферы могут быть серьезные негативные последствия для отдельно взятого региона и государства в целом.

В энциклопедической литературе термин «деструкция» (от лат. *destruction* – разрушение) описывается как патологическое явление, которое характеризуется разрушением сложившихся устоев, основ, отношений и структуры [1, с. 199]. Идея разрушительности была предложена и развивалась многими психоаналитиками, включая представление о склонностях к разрушительности у человека, врожденном импульсе разрушения [2, с. 465–503], которую высказала С. Шпильрейн. С другой стороны, З. Фрейд предложил и развил концепцию деструктивности, как врожденного качества каждого человека [3, с. 92], которое в основном отличается в зависимости от его окружения или индивидуальности – внешне или внутренне из-за наличия разрушительной составляющей [4].

Тем временем, В. Райх считал, что причиной деструктивного импульса в человеческом сознании является стремление к устранению рискованного фактора для самого себя, и поэтому разрушение может приобретать осознанные и важные для индивида черты [5, с. 130-177]. Э. Фромм выразил соотношение между деструктивным параметром личности и ее отношением к себе и обществу, при этом состояние саморазрушения стало основой для интерпретации проблем насилия и деструктивности, «в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков, но не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте» [6, с. 163].

Сегодня в обществе существует много различных религиозных направлений, и каждый человек может выбрать то, которое ему больше нравится. Однако из-за этого могут потеряться индивидуальные и коллективные идентичности, что может привести к неопределенности и общественной нестабильности. Современная действительность гражданского общества определила религии важную роль, особенно в управлении межэтническими отношениями. Это приводит к формированию уникальных культурных традиций и ценностей, подчеркивает индивидуальность и уникальность общества. В то же время, религия вовлечена в различные политические процессы, что может привести к разделению общества и по политическим взглядам.

В одной из своих работ известный британский религиовед и философ К. Армстронг выражает мысль, что не без причин «религия снова стала той внушительной силой, с которой пришлось считаться любым властям... и, без сомнения, будет играть важную роль во внутренней и внешней политике будущего» [7, с. 13].

Религиозный фактор может использоваться в политическом процессе двумя основными способами: разрушительным, через создание сепаратистских террористических групп и привлечение к ним большого числа людей, и конструктивным, путем установления партнерских отношений между государством и религиозными организациями для обеспечения общественной безопасности, регулирования и социального развития гражданского общества.

Символизируя многообразный этнокультурный феномен и представляя собой сложную систему ценностей, религия консолидирует представителей различных этногрупп и культур, давая

им специфичные убеждения и цели. Она помогает людям найти смысл и цель в жизни, дает им надежду и поддержку в трудные моменты. В то же время, религия может вызывать споры и разногласия, так как каждый человек имеет свое собственное понимание и уникальную веру.

Разрушение Советского Союза с последующим отказом от светской идеологии атеизма, а также введения свободы совести и вероисповедания, послужили причинами распространения в «Новой России» разнообразных нетрадиционных религиозных направлений, которые ранее не были характерны для российского общества.

Влияние ряда религиозных направлений на индивидуальное сознание приводит к отчуждению от общепринятых традиций и общества в целом, а также к деструктивным изменениям в личности и обществе. В ряде случаев религиозные убеждения деструктивного характера становятся основой для ценностных установок целых этнорелигиозных групп. Они оказывают влияние на социальные принципы и формируют общественную реальность.

Изучение российского и международного опытов демонстрирует активное применение религиозного фактора деструктивными организациями в области разрушения общественной целостности, ориентированной на уничтожение большого количества людей, затрагивая интересы государственной безопасности, семейных ценностей, сферы воспитания и образования детей и молодежи, а также психологической защиты личности [8, с. 122].

Серьезную опасность для безопасности государства представляет фанатизм и экстремистская политическая интерпретация религиозных лозунгов. Опыт полного подчинения индивида религиозному лидеру в стремлении к достижению наилучшего результата в этой сфере является основой скрытой формы религиозного фанатизма.

Учитывая, что традиционные религиозные учения не только запрещают и удерживают человека от совершения незаконных действий, но также противодействуют нарушению установленных обществом традиций и правил поведения, они часто становятся адресатом нападок носителей экстремистских идеологий.

Проблема применения религиозного экстремизма в целях угнетения представителей других вероисповеданий, считаемых врагами, для принуждения их к принятию «правильной» религиозной доктрины остается актуальной в настоящее время. При изучении нравственно-этической и психологической составляющей религиозного экстремизма следует отметить, что он вступает в конфронтацию с убеждениями и ценностями других вероучений, проявляет нетерпимость к различным мнениям и не уважает разнообразие вероисповеданий в обществе.

Отсутствие достаточного внимания к общепринятым ценностям и нормам, традициям и обычаям, включая проблемные стороны нравственно-духовной, аксиологической, идеологической и моральной социальных сфер, способствует появлению и распространению деструктивных религиозных групп, использующих психологические методы для манипуляции мыслями, эмоциями и поведением своих последователей, создавая у них духовную зависимость. Создавая иллюзию интереса к их проблемам и желание помочь, агрессивные миссионеры с легкостью привлекают людей в такие объединения. Затем они вводят их в деструктивную идеологию, заставляя размышлять о нравственных проблемах современного общества и подчеркивая моральную ответственность и долг неопитов. В итоге они подчиняются воле и главенству деструктивной организации.

Формируя взгляды, ценности, убеждения и отношение к окружающему миру и происходящим событиям, вероисповедание человека является главным фактором, влияющим на его духовное состояние. Религиозные экстремисты стремятся изменить веру и взгляды людей, используя религиозные ценностные ориентации. При этом крайними мерами продвижения нетрадиционных идеологием последователями религиозных экстремистских групп являются насильственные способы для разрешения разногласий между деструктивными и государственными институтами и продвижением социального прогресса. «Преследование человека по религиозным убеждениям оправдывается, в свою очередь, тем, что люди, которые живут не по законам данной религии, не могут претендовать на спасение и являются врагами, поскольку не разделяют «нашу» систему ценностей, отношение к окружающему миру и людям» [9, с. 39].

Религиозный экстремизм может быть как межконфессиональным, так и внутрирелигиозным, когда сторонники одной веры противостоят представителям других вероисповеданий или течений (например, в исламе – при противодействии традиционного суфизма ваххабитской идеологии на территории Чеченской Республики и Республики Дагестан в период становления «Новой России»).

В одной из своих работ известный российский ученый Ю. А. Клейберг дает следующий портрет экстремиста: «Исследования личности экстремиста в большинстве случаев характеризуют его как дезадаптированного в существующей социальной реальности маргинала, испытывающего беспокойство перед будущим, агрессивно настроенного, тяготеющего к силовым способам решения жизненных проблем, пренебрегающего правовыми нормами» [10, с. 202].

С целью осуществления идеологии, основанной на политическом исламе, так называемом исламизме, экстремистски настроенные религиозные организации исламской веры имеют широкие возможности влиять на социально-политическую сферу практически любого государства. Так, в конце XX века ислам стал политическим фактором в северокавказском регионе, и религиозные партии и движения, признанные впоследствии незаконными, (например, Аль-Джамаа Аль Исламия, Джамаат аль Муслимин, Исламская партия возрождения и другие) активно начали вмешиваться в общественные дела и призывать к изменению политико-социальной системы региона в соответствии с их учениями. Вследствие упомянутых намерений, в связи с кризисом в области социально-экономических отношений, общество разделилось на две группы – сторонников традиционного и радикального ислама. Приверженцы тарикатских братств отстаивают древние традиции, в то время как последователи ваххабизма стремятся к воссозданию древнего исламского государства и провозглашают «священную войну» против всех, кто не разделяет их вероучения.

Иностранные государства сыграли важную роль в развитии деструктивного процесса на Северном Кавказе, поддерживая радикальный ислам ваххабитского толка финансово и идеологически. «Отсутствие специалистов по шариатским нормам, зачастую компенсировалось за счет приглашения их из арабских стран» [11, с. 337].

Подобный процесс имеет многоэтапную структуру использования религиозного фактора для достижения политических целей. Сначала проводится миссионерская и гуманитарная деятельность для создания благоприятного образа и настроения, далее формируются полувоенные подразделения последователей экстремистских течений, а затем силовыми методами происходит изменение властных структур для введения исламистского административного режима.

Одним из ключевых компонентов религиозно-экстремистской деятельности является совокупность крайне консервативных аксиологических, нравственно-духовных, философских учений, проявляющихся в фундаментализме. Фундаментализм (лат. fundamentum – базис, основа, основание) представляет собой социально-политическое направление, объединяющее идеологические принципы, взгляды и понятия, которые выражают отрицание системного социального и политического развития, придерживаются традиций и защищают этнические, религиозные и другие принципы как абсолютную истину [12, с. 251].

Отправным источником исторического развития фундаментализма является принцип *Sola Scriptura* (только Писание) в теологии протестантизма, который определяет Библию как единственный источник веры. Самым радикальным в политическом пространстве стал исламский фундаментализм, целью которого является создание теократического государства и отмена всего, чего нет в Коране, что воспринимается международным сообществом как серьезная угроза для международных отношений и политической стабильности. Основной идеей фундаментализма является возвращение к первоначальному социально-политическому порядку и сохранение религиозных догматов в их первоначальном виде.

Движение религиозного фундаментализма является одним из факторов, способствующих развитию деструктивных процессов в общественно-политической сфере, противостоящее господствующей секулярной идеологии и стремящееся к строгому следованию религиозных учений, опирающееся на буквальное толкование Священных книг и Писаний. «Фундаменталистские принципы могут служить ориентирами политической деятельности и мобилизовывать определенную часть общества для активного участия в политической деятельности» [13, с. 69].

Еще одним примером использования религиозного фактора в деструктивном процессе является противодействие государственной политике, регулирующей свободу слова и вероисповедания. Верующие зачастую не согласны с ограничениями в практике миссионерской деятельности, повсеместного отправления религиозных обрядов и навязывания инокультурных традиций.

Фундаменталисты отрицают существующую официальную религиозную структуру, считая враждебными отдельные социокультурные и политические основы современного гражданского общества, включая идеологию демократии и либерализма [14, с. 73].

Религиозно-политический синкретизм также является собой специфичную модель деструктивного процесса, при которой религиозные убеждения определяют политический курс государства. С одной стороны, государство может влиять на духовное развитие общества, формируя правовые нормы, а с другой стороны, политические партии и движения используют религиозные ценности в своих предвыборных программах и идеологических доктринах, пренебрегая законодательно установленной религиозной и национальной нейтральностью.

В целях практического воплощения экстремистской религиозной идеологии планируются и реализовываются радикальные действия, представляющие собой совокупность политически ориентированных идей и практик, направленных на безусловное и существенное преобразование социально-политических взаимоотношений и государственных институтов власти [12]. Такой политический радикализм отражает прагматичную сторону религиозного экстремизма и стремится к насильственному изменению политического режима через мятеж, революцию или государственный переворот.

Умеренный радикализм выступает в качестве одного из компонентов политической жизни и ориентирован на решение локальных социально-политических и экономических проблем как устойчивое идейно-политическое течение, система убеждений определенной социальной группы [15, с. 301]. Однако основным признаком экстремистской религиозной группировки является стремление убедить или принудить остальное общество принять их верования и следовать им.

Степенью крайности, которую проявляет этнорелигиозная группа служат цели преобразования системы социальных отношений. Приверженцы религиозного экстремизма полагают, что увеличение свободы в обществе и изменение нравов поведения приводят к разрушению социальной структуры, и, поэтому, стремятся восстановить древние религиозные идеалы и стандарты поведения в обществе. В качестве способа насильственного воздействия на личность, социальные группы, народы, государства и группы государств, через провоцирование массового страха, гражданских и межэтнических войн, реализуется гибридная форма ведения войны, выраженная в социально-деструктивных процессах, включающих терроризм [16, с. 132–133].

Террористическая деятельность представляет собой особую форму проявления религиозно-политического экстремизма, являющегося компонентом организованной системы, выполняющей специфичные функции в социально-политических системах, угрожающих безопасности и обороноспособности государства, сопровождающиеся формированием негосударственных вооруженных структур с последующим их стремлением овладеть политической властью [17, с. 98].

Влияние религиозного фактора на межэтнические отношения определяет содержание и изменение цивилизационной общности. Возможность возникновения противоречий на этнической и религиозной основе объясняется конкуренцией за влияние этнорелигиозных групп на политический процесс, в части борьбы за власть и влияние. Для достижения своих целей некоторые зарубежные политические деятели используют эти противоречия, прямым результатом которых являются национальная ненависть, этнорелигиозная нетерпимость и другие формы неприязни, включая локальные войны.

В связи с этим, для эффективного государственного управления чрезвычайно важно постоянно контролировать происходящие межэтнические процессы и изучать этнорелигиозную региональную специфику.

Рост влияния религии на общество способствует возрождению цивилизационного взгляда на мир и самоопределению личности, национальных групп и гражданского общества. Тем не менее, это также может способствовать распространению деструктивных религиозных течений и настроений в обществе. Следовательно, необходимо исследовать и выявлять основные проблемы и угрозы духовной безопасности, а также обосновывать влияние религиозного фактора на формирование гражданского общества на индивидуальном и коллективном уровнях его развития.

Гармоничная организация политической системы в достаточной мере представляет собой противоположную деструкции концепцию. Примером деструкции могут служить сепаратистские настроения в некоторых регионах России (Башкортостан, Татарстан, Чечня, некоторые регионы Сибири и Урала) [18, с. 137–141] в постсоветской эпохе. Слабость центральной власти, проявляющаяся в периоды кризисов легитимности, традиционно способствует проникновению духа сепаратизма в гражданском обществе, увеличивает дополнительные перспективы популяризации сепаратистских стремлений [19, с. 125].

Например, в Чеченской Республике с 1991 по 2001 г. существовала Республика Ичкерия – государство со своими вооруженными силами, парламентом, президентом, собственной внешней

политикой и независимостью. Некоторые другие территории «Новой России» конца XX века отказывались платить налоги в федеральный бюджет, не отправляли своих граждан на службу в армию и не выполняли свои функциональные обязанности.

Восстановление утраченного политического влияния стало возможно при условии пересмотра отношений между федеральной властью и регионами, этническими группами и элитой общества, а также учета разнообразных этнорелигиозных и исторических традиций. Для профилактики сепаратизма необходимо универсализировать концепт политического порядка, который будет принят и понят всеми членами общества через формирование взаимоотношений и процессов, разработку идеологий и политического управления. Чтобы преодолеть деструктивные последствия этнорелигиозных противоречий, необходимо уделить особое внимание отрицательным проявлениям этой специфики.

Для достижения целей государственной политики по установлению мирных и гармоничных межэтнических и межрелигиозных взаимоотношений включая укрепление взаимодействия между культурами на региональном и общегосударственном уровнях, важно принимать во внимание этнорелигиозную специфику коренных жителей субъектов РФ. Такая модель политического управления должна учитывать уникальные региональные черты и историко-культурное наследие, а также важность низового участия акторов гражданского общества. Только это позволит обеспечить эффективное управление в долгосрочной перспективе.

Несмотря на законодательную вариативность, регулирующую отношения между государством, религиозными объединениями и верующими, возникают трудности в определении и выявлении опасных религиозных групп и организаций, а также в контроле за их деятельностью. Нелегальные действия опасных религиозных групп, дезорганизация профильных специалистов государственных органов и непредсказуемое поведение последователей радикальных религиозных группировок после устранения их лидеров создают проблемы при создании законодательной основы для борьбы с движениями деструктивной направленности.

Формирование и осуществление эффективных государственных стратегий борьбы с деструктивными процессами в этноконфессиональной сфере необходимы для обеспечения духовной безопасности и благополучия гражданского общества и государства в целом.

Одним из перспективных способов противодействия деструктивным религиозным движениям является обеспечение неизбежности наказания за совершение преступлений, связанных с религиозными объединениями, независимо от их вероучения. Также важным направлением прогрессивного противодействия деструктивным процессам является качественная подготовка специалистов различных государственных служб и ведомств.

Государство является основным актором политического процесса и обеспечивает интересы общества через разнообразные программы и законодательные акты, усиленные внушительным административным ресурсом. В подобных ситуациях политическое управление и административное регулирование связаны с общественной деятельностью и воздействием различных социальных групп, которые могут влиять на принятие политических решений. Ключевыми обстоятельствами результативного осуществления данной политики являются верховенство права, независимость правосудия, публичность и открытость.

Активное участие представителей различных этнических групп и общественно-политических организаций в политической жизни, а также взаимодействие с политическими деятелями и государственными структурами являются основными особенностями управления в России.

Для успешной борьбы с разрушительными процессами необходимо обеспечить сотрудничество между федеральными и региональными органами власти, эффективное взаимодействие государственного аппарата и социальных институтов, а также строгое соблюдение законов по отношению к религиозным организациям, общественным движениям, политическим партиям и другим группам. Подобными мерами государственного реагирования могут выступать запрет на деятельность, отказ в регистрации, признание экстремистскими, привлечение к уголовным и другим правовым санкциям.

Сбалансированная политика, основанная на четких идеологических принципах и направленная на создание условий для согласования и унификации отношений между политическими деятелями, является серьезным ответом деструктивному процессу, использующему религиозный фактор в межэтнических отношениях и политической практике.

Сотрудничество между государством, традиционными религиозными объединениями и верующими направлено на достижение общей цели и на создание гармоничной модели социально-политического развития. Поддержка и развитие традиционных ценностных ориентаций и правил поведения,

определяющих особенности многонационального и поликонфессионального гражданского общества, эффективная реализация перспективных трансформаций в социальной сфере гражданского общества, формирование государственной системы управления по принципу приоритета духовно-нравственных идеалов, сотрудничество религиозных организаций и гражданского общества – представляют собой основные условия для успешного управления этноконфессиональной сферой и противодействия деструктивным процессам.

Список источников

1. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Егорова Т. В. М.: «Аделант», 2014.
2. Шпильрейн С. Деструкция как причина становления. / Сабина Шпильрейн // перевод Менихи Исааковны Шпильрейн по изданию Sabina Spielrein, Die Destruktion als Ursache des Werdens. Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, 1912. № 4. С. 465-503.
3. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / перевод со 2-го нем. Издания под ред. и с предисл. Л.С. Выготского и А.Р. Лурия. М.: Современные проблемы. Н. А. Столляр. 1925. 108 с.
4. Фрейд З. Я и Оно. М.: АСТ. 2018. 333 с. ISBN 978-5-17-108547-6.
5. Райх Вильгельм. Анализ характера / пер. с англ. Е. Поле. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 528 с. ISBN 5-04-004421-6.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности; пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2004. 635 с. ISBN 5-17-023209-8.
7. Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма; пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 502 с. ISBN 978-5-91671-148-6.
8. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие для вузов / Н.Д. Эриашвили и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 207 с. ISBN 978-5-238-03367-9.
9. Лонский Я. А. Идеино-теоретическая и практическая составляющая религиозного экстремизма // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2019. № 3. С. 35–42.
10. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 287 с. ISBN 978-5-534-16487-9.
11. Нечитайло Д. А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. Дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01. М., 2017. 633 с.
12. Погорелый Д. Е., Фесенко В. Ю., Филипов К. В. Новейший политологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
13. Астапов С. Н. Социокультурная природа религиозного фундаментализма // Религиоведение. 2023. № 1. С. 65–70.
14. Ахромеева Ю. В. Религиозный и культурный фундаментализм как условия возникновения религиозного экстремизма // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 66–74.
15. Воронцова М. В., Макаров В.Е., Бюндюгова Т. В. Теория деструктивности: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 330 с. ISBN 978-5-534-13596-1.
16. Религиоведение: учебник для вузов / И.Н. Яблоков; под редакцией И.Н. Яблокова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 371 с. ISBN 978-5-534-05253-4.
17. Магомедов Н. Г. Об исламском религиозном и религиозно-политическом экстремизме // Исламоведение. 2020. № 1 (43). С. 95–111.
18. Ахметов А. А. Кризис легитимности власти как ключевой фактор актуализации сепаратизма в России в 90-е годы XX века // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 137–141.
19. Савва М. В., Савва Е. В. Сепаратизм в современной России: актуальность и классификация // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 124–126.

References

1. *Dictionary of foreign words of the modern Russian language*. Comp. Egorova T. V. Moscow: "Adelant"; 2014. (In Russ.)

2. Shpilrein S. *Destruction as the cause of formation*. Translated by Menikha Isaakovna Spielrein from the edition of Sabina Spielrein, *Die Destruction als Ursache des Werdens*. Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, 1912; (4): 465-503. (In Russ.)
3. Freud Z. *Beyond the pleasure principle*. Translated from the 2nd German. Ed. editions and with a preface by L.S. Vygotsky and A.R. Luria. Moscow: Modern problems. N.A. Stollyar; 1925. 108 p. (In Russ.)
4. Freud Z. *Me and It*. Moscow: AST; 2018. 333 p. ISBN 978-5-17-108547-6. (In Russ.)
5. Reich Wilhelm. *Character Analysis*. Translated from English by E. Field. Moscow: April Press, Publishing house EKSMO-Press; 2000. 528 p. ISBN 5-04-004421-6. (In Russ.)
6. Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*; translated from German by E. Telyatnikova. Moscow: AST; 2004. 635 p. ISBN 5-17-023209-8. (In Russ.)
7. Armstrong K. *The Battle for God: the History of Fundamentalism*; translated from English. Moscow Alpina non-fiction. 2013. 502 p. ISBN 978-5-91671-148-6. (In Russ.)
8. *Religious studies and the basics of countering religious extremism: a textbook for universities*. N.D. Eriashvili et al. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: UNITY-DANA; 2020. 207 p. ISBN 978-5-238-03367-9. (In Russ.)
9. Lonsky Ya. A. The ideological, theoretical and practical component of religious extremism. *Bulletin of the Moscow State University. Series: Philosophical Sciences*. 2019; (3): 35-42. (In Russ.)
10. Kleiberg Yu. A. Psychology of deviant behavior: textbook and workshop for universities. 5th ed., reprint. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House; 2024. 287 p. ISBN 978-5-534-16487-9. (In Russ.)
11. Nechitailo D. A. *Modern radical Islamism. Strategy and tactics*. Dis. ...Dr. polit. Sciences: 23.00.01. Moscow; 2017. 633 p. (In Russ.)
12. Pogorely D. E., Fesenko V. Yu., Filippov K. V. *The latest political science dictionary*. Rostov-on-Don: Fenix; 2010. (In Russ.)
13. Astapov S.N. Sociocultural nature of religious fundamentalism. *Religious Studies*. 2023; (1): 65-70. (In Russ.)
14. Akhromeeva Yu. V. Religious and cultural fundamentalism as conditions for the emergence of religious extremism. *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Social and Humanitarian Sciences*. 2015; (1): 66-74. (In Russ.)
15. Vorontsova M. V., Makarov V. E., Byundyugova T. V. Theory of destructiveness: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House; 2024. 330 p. ISBN 978-5-534-13596-1. (In Russ.)
16. Yablokov I. N. *Religious studies: textbook for universities*; edited by I.N. Yablokov. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Yurait Publishing House; 2024. 371 p. ISBN 978-5-534-05253-4. (In Russ.)
17. Magomedov N. G. On Islamic religious and religious-political extremism. *Islamic Studies*. 2020; 1 (43): 95-111. (In Russ.)
18. Akhmetov A. A. The crisis of the legitimacy of power as a key factor in the actualization of separatism in Russia in the 90s of the twentieth. *Bulletin of the Moscow State University. Series: History and Political Sciences*. 2010; (3): 137-141. (In Russ.)
19. Savva M. V., Savva E. V. Separatism in modern Russia: relevance and classification. *Theory and practice of social development*. 2014; (17): 124-126. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Бритвин – магистр государственного управления, аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений ИГСУ РАНХиГС.

Information about the author

A. V. Britvin – Master of Public Administration, Postgraduate of the State-Confessional department of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024; одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 25.08.2024.

The article was submitted 28.07.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 25.08.2024.